

СЎЗ САНЪАТИ
ХАЛҚАРО ЖУРНАЛИ
4 ЖИЛД, 2 СОН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
ИСКУССТВО СЛОВА
ТОМ 4, НОМЕР 2

INTERNATIONAL JOURNAL
OF WORD ART
VOLUME 4, ISSUE 2

Бош муҳаррир:

Холбеков Муҳаммаджон

ф.ф.д., профессор (Ўзбекистон)

Бош муҳаррир ўринбосари:

Тўхтасинов Илҳом

ф.ф.д., доцент (Ўзбекистон)

Таҳрир хайъати:

Назаров Бахтиёр

академик. (Ўзбекистон)

Якуб Умарўгли

ф.ф.д., профессор (Туркия)

Алмаз Улви Биннатова

ф.ф.д., профессор (Озарбайжон)

Бокиева Гуландом

ф.ф.д., профессор (Ўзбекистон)

Миннуллин Ким

ф.ф.д., профессор (Татаристон)

Махмудов Низомиддин

ф.ф.д., профессор (Ўзбекистон)

Керимов Исмаил

ф.ф.д., профессор (Россия)

Жўраев Маматкул

ф.ф.д., профессор (Ўзбекистон)

Куренов Рахыммамед

к.ф.н. (Туркменистон)

Кристофер Жеймс Форт

Мичиган университети (АҚШ)

Умархўжаев Мухтор

ф.ф.д., профессор (Ўзбекистон)

Мирзаев Ибодулло

ф.ф.д., профессор (Ўзбекистон)

Болтабоев Ҳамидулла

ф.ф.д., профессор (Ўзбекистон)

Дўстмухаммедов Хуршид

ф.ф.д., профессор (Ўзбекистон)

Лиходзиевский А.С.

ф.ф.д., профессор (Ўзбекистон)

Сиддикова Ирода

ф.ф.д., профессор (Ўзбекистон)

Шиукашвили Тамар

ф.ф.д. (Грузия)

Юсупов Ойбек

масбул котиб, доцент (Ўзбекистон)

Главный редактор:

Холбеков Муҳаммаджон

д.ф.н., профессор (Ўзбекистон)

Заместитель главного редактора:

Тухтасинов Илҳом

к.ф.н., доцент (Ўзбекистон)

Редакционная коллегия:

Назаров Бахтиёр

академик. (Ўзбекистон)

Якуб Умар оглы

д.ф.н., профессор (Туркия)

Алмаз Улви Биннатова

д.ф.н., профессор (Азербайжан)

Бакиева Гуландом

д.ф.н., профессор (Ўзбекистон)

Миннуллин Ким

д.ф.н., профессор (Татарстан)

Махмудов Низомиддин

д.ф.н., профессор (Ўзбекистон)

Керимов Исмаил

д.ф.н., профессор (Россия)

Джураев Маматкул

д.ф.н., профессор (Ўзбекистон)

Куренов Рахыммамед

к.ф.н. (Туркменистон)

Кристофер Джеймс Форт

Университет Мичигана (США)

Умархаджаев Мухтар

д.ф.н., профессор (Ўзбекистон)

Мирзаев Ибодулло

д.ф.н., профессор (Ўзбекистон)

Балтабаев Ҳамидулла

д.ф.н., профессор (Ўзбекистон)

Дустмухаммедов Хуршид

д.ф.н., профессор (Ўзбекистон)

Лиходзиевский А.С.

д.ф.н., профессор (Ўзбекистон)

Сиддикова Ирода

д.ф.н., профессор (Ўзбекистон)

Шиукашвили Тамар

д.ф.н. (Грузия)

Юсупов Ойбек

отв. секретарь, доцент (Ўзбекистон)

Editor in Chief:

Kholbekov Muhammadjan

Doc. of philol. scien., prof. (Uzbekistan)

Deputy Chief Editor

Tuhtasinov Ilhom

Ph.D. Ass. Prof. (Uzbekistan)

Editorial Board:

Bakhtiyor Nazarov

academician. (Uzbekistan)

Yakub Umarogli

Doc. of philol. scien., prof. (Turkey)

Almaz Ulvi Binnatova

Doc. of philol. scien., prof. (Azerbaijan)

Bakieva Gulandom

Doc. of philol. scien., prof. (Uzbekistan)

Minnulin Kim

Doc. of philol. scien., prof. (Tatarstan)

Mahmudov Nizomiddin

Doc. of philol. scien., prof. (Uzbekistan)

Kerimov Ismail

Doc. of philol. scien., prof. (Russia)

Juraev Mamatkul

Doc. of philol. scien., prof. (Uzbekistan)

Kurenov Rakhimmamed

Ph.D. Ass. Prof. (Turkmenistan)

Christopher James Fort

University of Michigan (USA)

Umarkhodjaev Mukhtar

Doc. of philol. scien., prof. (Uzbekistan)

Mirzaev Ibodulla

Doc. of philol. scien., prof. (Uzbekistan)

Boltaboev Hamidulla

Doc. of philol. scien., prof. (Uzbekistan)

Dustmuhammedov Khurshid

Doc. of philol. scien., prof. (Uzbekistan)

Lixodzievsky A.S.

Doc. of philol. scien., prof. (Uzbekistan)

Siddiqova Iroda

Doc. of philol. scien., prof. (Uzbekistan)

Shiukashvili Tamar

Doc. of philol. scien. (Georgia)

Yusupov Oybek

Ass. prof. (Uzbekistan) - Senior Secretary

МУНДАРИЖА \ СОДЕРЖАНИЕ \ CONTENT

Адабиётшунослик

- 39. Хурлиман Утемуратова**
ҚОРАҚАЛПОҚ ТАРИХИЙ РОМАНЛАРИДА СТИЛЬ МАСАЛАЛАРИ.....6
- 40. Karimova Feruza Mo'minova**
XALQ LIRIK QO'SHIQLARIDA OLOVNING RAMZIY-TIMSOLIIY MA'NOLARI.....11
- 41. I.S. Mannopov, Sh. S. Ismoilova**
AZIM HOJA IJODIDA HIKMATNAVISLIK AN'ANASI.....17
- 42. Шарофат Абдурахмонова**
СЎНГГИ ДАВР ЎЗБЕК ҲИКОЯЧИЛИГИДА
МУАЛЛИФ ОБРАЗИНИНГ ТУРЛИ КЎРИНИШДАГИ ИШТИРОКИ.....22
- 43. Mukhlisa Tursunova Vakhobovna**
THE PLACE OF JULIAN BARNES' INGENUITY IN THE GENRE
EVOLUTION OF THE ENGLISH POSTMODERN NOVEL.....28
- 44. Тоирова Дилфуза Файзуллаевна**
ЛИТЕРАТУРНАЯ ТЕОРИЯ ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАКА.....34
- 45. Носирова Умидахон Икромовна**
ШЕЪРИЙ МАТНЛАРДА ШАКЛ ВА МАЗМУН УЙҒУНЛИГИ.....39
- 46. Зиямухамедов Жасур Ташпулатович**
ПУ СУНГЛИНГ НОВЕЛЛАЛАРИДА ҒАЙРИТАБИЙЛИК
УНСУРИНИНГ ИФОДАСИ.....48
- 47. Сабирова Насиба Эргашевна**
БАҲШИЛАР РЕПЕРТУАРИ ВА ИЖРОЧИЛИК МАҲОРАТИ.....56

Лингводидактика

- 48. Абдумаджитова Рано Рахимджанова**
СПЕЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И УСЛОВИЯ ПОДГОТОВКИ ТЕРМИНОЛОГИИ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ СТУДЕНТОВ АГРАРНОГО ВУЗА.....62
- 49. Гулямова Мавлуда Хамитовна**
ХОРИЖИЙ ТИЛЛАРНИ ЎҚИТИШДАЛИНГВОДИДАКТИКАНИНГАСОСЛАРИ.....67
- 50. Nazarova Rano Rahimovna, Kadirova Difuza Alisherovna**
THEORETICAL ASPECT OF TECHNOLOGIES OF TEACHING
A FOREIGN LANGUAGE AS A SECOND LANGUAGE.....71
- 51. Ризаева Диляйра Шавкатовна**
ОСОБЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ
ЯЗЫКУ В АГРАРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ.....77
- 52. Rayxona G'ulomova**
CHET TILI O'RGANISH JARAYONIDA SOTSIOLINGVISTIK
KOMPETENSIYANING O'RNI.....82

53. Менлимуратова Эльмира Азатовна ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕКСТОВ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ.....	87
54. Laylo Baxtiyarovna Davletnazarova THE NOTION OF CRITICAL PERIOD HYPOTHESIS AND ITS ROLE IN LEARNING FOREIGN LANGUAGES.....	92
Таржимашунослик	
55. Abduganieva Zebuniso Abdukhafizovna LINGUOCULTURAL PECULIARITIES OF ENGLISH PROVERBS WITH ZOOMORPHISMS AND THEIR TRANSLATION PROBLEMS.....	98
56. Abdurakhmonova Zarifa Kobulovna CHALANGES IN TRANSLATING ENGLISH IDIOMS INTO UZBEK.....	103
57. Mukumov Mahmud Xudayberdiyevich INTERPRETATION OF THE TERMS WORLD MODEL, WORLDVIEW, IMAGE OF THE WORLD IN COGNITIVE LINGUISTICS.....	108
58. Tursunov Elmurod Umrzoqovich ҲОЗИРГИ ЗАМОН ТАРЖИМАШУНОСЛИГИДА ЛЕКСИК ТАРЖИМА БИРЛИКЛАРИ НАЗАРИЯСИ.....	113
59. Гудзина Виктория Анатольевна ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕМЫ СЧАСТЬЯ В ЛИРИКЕ АХМАТОВОЙ И ЗУЛЬФИИ.....	122
60. Ruzieva Makhfuza Khikmatovna THE TRANSLATOR'S LINGUISTIC PERSONALITY AS A COMPLEX COMMUNICATIVE PHENOMENON.....	130
Тилшунослик	
61. Mutabarkhon Eshonkulova Tadjibayevna GIGANTIC DIFFERENCES BETWEEN GERMAN AND ENGLISH.....	138
62. Abduvoitov Ravshanbek Alijonovich LINGUISTIC CHARACTERISTICS OF THE TERMS RELATED TO THE “MARKET ECONOMY” CONCEPT WITHIN BUSINESS ENGLISH LEXICON.....	144
63. Erkaboyeva Saodat Yulbarsovna TOPICAL ISSUES OF INTERCULTURAL COMMUNICATION.....	149
64. Hamroyeva Maftuna Rasulovna BADIIY ASAR MATNIDA ANTROPONIMLARNING O'RNI (Normurod Norqobilov va Tohir Malik ijodi misolida.).....	155
65. Назарова Гулбахор ИЛМИЙ УСЛУБДА СЎЗ ЎЗЛАШТИРИШ МАСАЛАЛАРИ.....	162

66. Jalilova Shahnoza Dilshodjon qizi KOMIL XORAZMIY VA FURQAT ASARLARIDA ESTETIK PRINTSIPLAR.....	166
67. Kabilova Sayyora METAPHOR IN NEWSPAPERS.....	170
68. Nadejda Zubareva ON COMPARATIVE PHRASEOLOGICAL UNITS AND THEIR ROLE AS INTENSIFIERS IN DISCOURSE.....	176
69. Abduqahhorova Xosiyat Abdurasul qizi O'ZBEK SHEVALARIDA FRAZEOLGIK BIRLIK LARNING QO'LLANILISHI.....	181
70. Насиба Раимназарова СУРХОНДАРЁ ХУДУДИНИНГ ЭТНОГРАФИК ВА ДИАЛЕКТАЛ ХУСУСИЯТИ.....	185
71. Khamraeva Z. Kh. SYNTACTIC FEATURES OF THE MODERN ENGLISH LANGUAGE.....	191
72. Holiqova Husnora SOME BASIC PROBLEMS OF COMPILING ENGLISH DICTIONARY.....	195
73. Yuldasheva Laziza Ravshanovna COLLOQUIALISMS AND THEIR ROLE IN THE ENGLISH LANGUAGE.....	202
74. Kambarova M.M. SPECIFIC FEATURES OF TERMS IN ARCHITECTURE AND CIVIL ENGINEERING FIELD.....	207
75. Маматкулова Фотима Аширкуловна ТИЛШУНОСЛИКДА КУЛИНАРОНИМЛАРНИНГ ЛИНГВОКУЛТУРАЛОГИК ЎРГАНИЛИШИ.....	212
76. Саидова Мухайё Умедиллоевна К. БОЛДИКНИНГ “АДАБИЁТШУНОСЛИК ТЕРМИНЛАРИНИНГ ҚИСКАЧА ИЗОҲЛИ ОКСФОРД ЛУҒАТИ”ДАГИ ЯСАМА АДАБИЁТШУНОСЛИК ТЕРМИНЛАРИ ТАҲЛИЛИ.....	218
77. Шодикулова Азиза Зикийевна МЕДИАМАТНЛАРИНИНГ ЛИНГВИСТИК ТАДҚИҚИ МАСАЛАСИ.....	227
78. Азиза Арслоновна Муминова РЕКЛАМА МАТНЛАРИДА УНДАШ КАТЕГОРИЯСИНИНГ СУГГЕСТИВ ТУРИ.....	233
79. Гули Тоирова Ибрагимовна ШИФОКОР НУТҚИНИНГ ЭТИКАСИ ВА УНИНГ ЛИНГВИСТИК ХУСУСИЯТЛАРИ...	237
80. Хурулбоев Шукрулло Абдулладжонович КОНВЕРСИЯ В СОЗДАНИИ НЕОЛОГИЗМА И ЕГО РОЛЬ В ГАЗЕТНОМ СТИЛЕ.....	242
81. Шаходат Усмонова МЕДИАДИСКУРСДА ЭКСПРЕССИВЛИК ТЕНДЕНЦИЯСИ.....	247
82. Holmuradova Leyla Eshkuvatovna SPECIFIC POINTS CONCERNING THE FIGURATIVENESS OF LANGUAGE UNITS IN ENGLISH AND FRENCH LANGUAGES.....	255

СЎЗ САНЪАТИ ХАЛҚАРО ЖУРНАЛИ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ ИСКУССТВО СЛОВА INTERNATIONAL JOURNAL OF WORD ART

Гудзина Виктория Анатольевна,
Бухарский государственный университет,
старший преподаватель кафедры
русского языка и литературы

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕМЫ СЧАСТЬЯ В ЛИРИКЕ АХМАТОВОЙ И ЗУЛЬФИИ

<http://dx.doi.org/10.26739/2181-9297-2021-2-59>

АННОТАЦИЯ

Общей типологической чертой понимания счастья, отраженной в поэзии и А. Ахматовой, и Зульфий, является нематериальность счастья – для обеих поэтесс в понятие «счастье» не входит материальный достаток и жизненное благополучие. В рамках исследования изучаются не только сходства, но и различия в понимании категории счастья Ахматовой и Зульфией. Для Ахматовой счастье – это недостижимое состояние, которое можно обрести, только реализуя свою миссию пророка. Для Зульфий счастье – служение Родине. Поэтическое новаторство лирики А.Ахматовой и Зульфий позволяют осмыслить женское мировосприятие, в котором постижение настоящего счастья возможно в двух случаях: когда женщина может быть услышанной другими, как у Ахматовой; когда женщина способна слышать голоса других, как у Зульфий.

Ключевые слова: интерпретация, категория, счастье, женское мировосприятие, ментальность, репрезентация, рекуррентность, дискурс.

Гудзина Виктория Анатольевна,
Бухоро давлат университети, рус тили
ва адабиети кафедраси катта ўкитувчиси

АХМАТОВА ВА ЗУЛФИЯ ЛИРИКАСИДА БАХТ МАВЗУСИНИНГ ТИПОЛОГИК ВА ШАХСИЙ МАРКЕРЛАРИ

АННОТАЦИЯ

Бахтни англашнинг А. Ахматова ва Зулфия шеърларида акс этган умумий типологик хусусияти - бу бахтнинг моддий эмаслиги - ҳар иккала шоира учун ҳам "бахт" тушунчаси моддий бойлик ва фаровонликни ўз ичига олмайди. Тадқиқот доираси Ахматова ва Зулфиянинг бахт тоифасини тушунишда нафақат ўхшашликларни, балки фарқларни ўрганишни ҳам ўз ичига олади. Ахматова учун бахт - бу фақатгина пайғамбарлик йўли орқали эришиш мумкин бўлган етишиб бўлмайдиган ҳолат ҳисобланади. Зулфия учун бахт - Ватанга хизмат қилишдир. А.Ахматова ва Зулфия лирикасининг шеърӣ янгилиги аёлларнинг дунёқарабини англашга имкон беради, бунда ҳақиқий бахтга эришиш икки

ҳолатда: Ахматова кўрсатиб ўтгани сингари, бошқалар томонидан тингланганда; ёки Зулфия кўрсатиб ўтганидек, бошқаларни эшитишга қодир бўлса, мумкин бўлади.

Калит сўзлар: тафсир, тоифа, бахт, аёллар дунё қараши, тафаккур, тавсиф, рекуррентлик (такрорланиш), нутқ.

Gudzina Victoria Anatolevna,
Bukhara state university,
senior lecturer of the Department of
Russian language and literature

TYPOLOGICAL AND INDIVIDUAL MARKERS OF INTERPRETATION OF THE THEME OF HAPPINESS IN LYRICS AKHMATOVA AND ZULFIYA

ANNOTATION

A common typological feature of the understanding of happiness, reflected in the poetry of both A. Akhmatova and Zulfya, is the immateriality of happiness – for both poetesses, the concept of "happiness" does not include material prosperity and life well-being. The study examines not only similarities, but also differences in the understanding of the category of happiness by Akhmatova and Zulfya. For Akhmatova, happiness is an unattainable state that can only be achieved by fulfilling one's mission as a prophet. For Zulfya, happiness is service to the Motherland. The poetic innovation of A. Akhmatova's and Zulfya's lyrics allows us to comprehend the female worldview, in which the real happiness is possible in two cases: when a woman can be heard by others, like Akhmatova; when a woman can hear the voices of others, like Zulfya.

Key words: interpretation, category, happiness, women's perception of the world, mentality, representation, recurrence, discourse.

Разработка типологических категорий, сближающих разные национальные литературы, является одним из магистральных направлений в развитии мирового и отечественного литературоведения. Исследование категории счастья особо значимо для литературоведческой интерпретации лирики двух выдающихся представительниц женской ветви поэзии XX века: Ахматовой и Зульфий. Понятие счастья может рассматриваться как одна из доминирующих смыслопорождающих категорий, формирующее содержательный вектор их поэзии. Женское самосознание лирических героинь Ахматовой и Зульфий находит свое воплощение через осмысление диалога женщины с окружающим ее жизненным пространством.

По мнению американской исследовательницы Аманды Хейт, Ахматова была «...озабочена необходимостью озвучить женскую точку зрения в культуре, где женские голоса, хотя и начинали звучать, но были немногочисленны, и где женщины все еще страдали от иллюзии, что для того, чтобы быть равными с мужчинами, они должны быть такими же, как они» [11, 2]. Это краеугольное, на наш взгляд, замечание, способное продемонстрировать парадокс: Ахматова, которая, на первый взгляд, выглядит наиболее феминизированной по сравнению с Зульфией, именно старалась стать «как мужчина», о чем говорят многочисленные отсылки к русским классикам – Пушкину, например. В ее стихах явно видно отождествление Ахматовой самой себя с русскими классиками литературы мужского пола. Иными словами, декларируя желание «выйти из-под мужской опеки», Ахматова на самом деле самым дискурсом своих стихов продуцировала несамостоятельность, а именно зависимость от мужчин, в огромной степени.

В отношении Зульфий, ситуация противоположная. Зульфья, очевидно, никогда не отождествляла себя с классиками. Отсылки к ним у нее есть, однако они чрезвычайно редки и на них не делается смыслового акцента, как в случае со стихами Ахматовой. Более того, дискурс ее стихов не демонстрирует стремление «быть как мужчина», скорее, он – подчеркнуто женский. То есть, Зульфья осознает себя именно как женщина, а не как

мужчина, каким-то недоразумением родившийся женщиной. Но женщина Зульфий – это создание иного века, который принес с собой образование и технологии. При всем этом, женщина Зульфий не отказывается от традиций. В связи с этим, парадоксальным выводом является тот факт, что женщина Зульфий – гораздо более феминистична, нежели женщина Ахматовой, поскольку не пытается подражать мужчине, а идет своим путем в поисках счастья.

Как известно, категория счастья включает в себя несколько составляющих, среди которых могут быть: эмоция, благополучие, удовлетворенность жизнью, материальное благосостояние, и т.д. По мнению Аристотеля, эта категория может также включать в себя понятие «коллективное благо» – то есть восприниматься не как индивидуальное состояние, а как нечто, присущее только коллективу [1,15].

Общей типологической чертой понимания счастья, отраженной в поэзии и А. Ахматовой, и Зульфий, является нематериальность счастья – для обеих поэтесс в понятие «счастье» не входит материальный достаток, и вообще что-либо приземленное, утилитарное. Для Ахматовой счастье – это недостижимое состояние, которое можно обрести, только реализуя свою миссию пророка. Для Зульфий счастье – служение Родине.

Кроме того, обе поэтессы воспринимают счастье как нечто, имманентное природе человека, а не «дарованное свыше» – то есть в их понимании счастья нет семы «удача». И для Ахматовой, и для Зульфий не встает вопроса, может ли человек быть сам «кузнецом своего счастья» – однозначно, может.

Поэтессы в своих лирических дискурсах обнажают мир женской души, границы которого обведены любовью, являющейся главным мерилем человеческого счастья. Например, в стихотворении Зульфий «Мечты» счастье и несчастье сравниваются с кумысом, который предстает перед читателем как авторский символ любовного напитка.

Я выпила, взболтав, словно кумыс,
Земного счастья и несчастья море,
Но не насытилась,— моя витает мысль,
Словно корабль, в космическом просторе

В лирике Ахматовой также постоянно сочетание двух тем: долга и счастья; присутствует в ней понимание шаткости и, в конечном счете, безнадёжности человеческого положения. Избираемый героиней аскетизм – смирение с тем, что счастье случайно, кратковременно и обманчиво счастье:

Объединяет творчества двух выдающихся поэтесс XX века и интерес к теме Узбекистана. Несмотря на то, что жизненный и творческий путь Ахматовой ассоциируется с Петербургом, во время эвакуации Ташкент, куда прибывает, спасаясь от войны, поэтесса, становится для нее родным городом. С 1941 года по 1944 год музой ахматовской поэзии является Ташкент: Словно по чьему-то повелению,/ Сразу стало в городе светло —/ Это в каждый двор по привидению/ Белому и легкому вошло./ И дыханье их понятней слова,/ А подобье их обречено/ Среди неба жгуче-голубого/ На арычное ложится дно. («Ташкент зацветает»).

Узбекистан тепло и с любовью принял великую русскую поэтессу, и Анна Ахматова полюбила его всей душой и об этом открыто заявляет в стихотворении «Третью весну встречаю вдали...»: Но не забуду я никогда,/ До часа смерти,/ Как был отраден мне звук воды / В тени древесной./ Персик зацвел, а фиалок дым/ Всё благовонней./ Кто мне посмеет сказать, что здесь/ Я на чужбине?!

В произведениях ташкентского периода Ахматова с особой любовью изображает красочные пейзажи, репрезентирующие уникальную восточную картину мира, национальную самобытность узбекского народа. Ахматова ощутила свою прочную связь с древней культурой Востока, вскрывшую ментальный уровень ее генетической памяти и позволившую Ахматовой принять Узбекистан как вторую родину.

Он прочен, мой азийский дом,
И беспокоиться не надо...

Еще приду. Цвети, ограда,
Будь полон, чистый водоем.

Ориентальная природа и восточная атмосфера, ранее не известная Ахматовой узбекская реальность, вечная красота мира наполняют счастьем стихотворения этого периода. Новые неведомые краски приобрела ее поэзия в «азиатском доме». Как верно отмечает азербайджанский исследователь А.Фейзуллаева: «От ее стихов веет поистине Востоком – недаром она смолоду тянулась к вавилонскому сказанию о Гильгамеше, к библейскому эпосу, к древним египетским песнопениям, которые впоследствии блистательно переводила [10, 123].

Восток Ахматовой не обходится без упоминания образа соловья, например, в первом произведении «Всё опять возвратится ко мне» из цикла «Луна в зените» читаем: Все опять возвратится ко мне: / Раскаленная ночь и томленье / (Словно Азия бредит во сне), / Халимы соловьиное пенье, / И библейских нарциссов цветенье.

В основу сочетания «соловьиное пение» положено устойчивое сравнение «петь как соловей», и это эталонное качество приписывается образу узбекской девушки Халимы, однако в контексте ориентального сюжета словосочетание приобретает дополнительную коннотацию: упоминает о символе восточной поэзии. Более того, он становится в ахматовской лирике устойчивым в сочетании с другими образами Узбекистана: И зацветает ветка над стеною./ И в этом сладость острая была,/ Неповторимая, пожалуй, сладость./ Бессмертных роз, сухого винограда/ Нам родина пристанище дала. («Как в трапезной – скамейки, стол, окно»).

Центральная тема ахматовской лирики 40-х годов – восточный колорит Узбекистана. С большим мастерством передается восторженность и зачарованность автора путем инкорпорирования в поэтический дискурс таких непривычных для русского человека экзотизмов, как **арык** (Арык на местном языке, / Сегодня пущенный лепечет); **чалма** (И в памяти словно в узорной укладке / Могильной чалмы благородные складки); мангал (Мангалочий доврик/ Как дым твой горек / И как твой тополь высок/ Шахерезада идет из сада... / так вот ты какой Восток); узбекских топонимов **Термез** (это рысьи глаза твои, Азия, / <...> Что-то выдразнили подспудное, / <...> Как полдневный термезский зной); **Самарканд** (А умирать поедем в Самарканд, / На родину предвечных роз).

В поэзии Ахматовой этого времени частотна лексема «зной», которая традиционно понимается как поэтическая метафора переживания любовного чувства. Зной в стихах Ахматовой представляет обыденную картину солнечного Узбекистана, инкорпорированную поэтессой в подавляющем большинстве ее произведений ташкентского периода: «термезский зной», «окна заперты от зноя», «полуночный зной» и др.

«Чистое, романтическое и благодарное дочернее чувство к узбекистанской земле» [7,136] выражено Ахматовой в стихотворении «Разве я стала совсем не та» из цикла «Ташкентские тетради»: То сердце Азии звучит/ И мне пророчит,/ Что снова здесь найду приют/ В день светлый мира.

Ташкент создал все условия, чтобы вселить веру в себя опальной поэтессе. Литературовед Б.Голендер отмечает в статье, посвященной 130-летию со дня рождения ее рождения, судьбоносное значение столицы Узбекистана в возрождении творчества Ахматовой после многих десятилетий творческого застоя: «Сердечность и забота узбекского народа, весь строй духовной жизни Ташкента в трудных условиях перенаселенного глубокого тыла в эти годы вернули поэтессе полную уверенность в собственных силах. За предвоенное десятилетие Анна Андреевна написала не более двадцати стихотворений, а творческим итогом ее работы над словом в эвакуации стало более сотни великолепных произведений, в том числе «Поэма без героя»»[3].

И эту помощь поэтесса не забыла, уехав 13 мая 1944 года из Ташкента, Ахматова в стихотворении «Теперь я всех благодарю... Рахмат, Ташкент!» написала своему «древнему дому» с благодарностью:

Теперь я всех благодарю,

Рахмат и хайер говорю
И вам машу платком
Рахмат, Айбек, рахмат, Чусти,
Рахмат, Ташкент! – прости, прости,
Мой древний тихий дом.

Рассмотрим теперь различия в понимании категории счастья Ахматовой и Зульфией.

А. Ахматова понимала счастье как индивидуальное состояние, которое не может зависеть от коллектива, и более того – любая попытка коллектива каким-либо образом повлиять на это состояние воспринималась как посягательство на ментальную свободу поэта.

Отношение к счастью Зульфий, в целом, похоже, однако, в нем сильны и коллективистские нотки – неоднократно в своих стихах она приводит беседы подруг между собой о счастье, подразумевая, что в этих разговорах подруги совместно вырабатывают понимание основ человеческого бытия – правды, совести, любви, счастья: Тут Гульшан, лица уже не пряча,/ Веселее вдоль рядка пошла:/ «Ах, пришла бы к юноше удача,/ Я вдвойне бы **счастлива** была... Человека в стихах Зульфий всегда сопровождает общество, в той или иной форме, поэтому счастье свое ее героиня видит в единстве с людьми:

Со счастьем всех людей сольюсь.

– Извечен наш союз! –

Но будут новые стихи

Как ручейки, – тихи. («Караван моей жизни»)

Узбекский литературовед Г.Х.Умурова считает, что «в основе жизненной стратегии лирического героя Зульфий, в ее отношении к счастью и земным благам лежит концепция о том, что роль человека в обществе недолговечная, в конце концов, безвыходная» [9,42]. Исследователь полагает, что счастье на самом деле «не дается вечным», и оно может быть простым совпадением или кратковременным похищением сознания, в результате чего лирический герой отказывается от удовольствия и склонен к аскетической жизни. В стихах Зульфий можно найти и гораздо более сложный коллективный образ, в отличие от стихов Ахматовой – это образ Родины. Ахматова также посвящала некоторые стихи Родине, но в ее произведениях Родина была не самостоятельным концептом, а подчиненным человеку, то есть на первое место ставился человек и его действия. В самом известном произведении А. Ахматовой, посвященном Родине, акцент делается именно на самих людях, о чем говорит местоимение «мы», употребляющееся рефреном: Мы знаем, что ныне лежит на весах/ И что совершается ныне./ Час мужества пробил на наших часах,/ И мужество нас не покинет./ Не страшно под пулями мертвыми лечь,/ Не горько остаться без крова, –/ И мы сохраним тебя, русская речь,/ Великое русское слово.

Для русской литературы характерно обостренное чувство личной ответственности большинства писателей за происходящее беззаконие. То, что лишало их покоя, находило выход в творчестве. «Эти настойчивые искания духа, <...> эти непрестанные поиски смысла и высоты жизни, сопровождавшиеся постоянными и такими глубоко русскими по своим душевным жестам волнениям совести и веры <...> вводили поэзию Ахматовой в русло высоких и благороднейших традиций русской классической литературы [8, 47], – писал А.И.Павловский. В стихотворении «Мне голос был...» Ахматова дает недвусмысленную отповедь «речи недостойной», оскорбляющей ее «скорбный слух» истинной дочери России, не мыслящей себе счастья вне родины: Но равнодушно и спокойно/ Руками я замкнула слух,/ Чтоб этой речью недостойной/ Не осквернялся скорбный дух.

Совершенно другую картину можно наблюдать в произведениях Зульфий. В ее стихах Родина – это отдельный самостоятельный субъект, который порой даже вступает в разговоры с людьми, репрезентируя авторское понимание счастья: Но солнца свет проник в твою лачугу,/ Придя из-за далеких гор и рек./ Тебе сказала Родина, как другу:/ «Ты человек – живи, как человек!».

Поэтесса не может насладиться красотой Родины, ее очаровывают высокие горы, бескрайние хлопковые поля, цветники, сады. Она любит каждое растение, которое там растет, труд садовника, а когда поют соловьи по утрам, ее пленяет странный сон:

Ты просишь **счастья!** Но его не просят,
Оно твое. Оно в земле, в реке,
В твоих садах, что щедро плодоносят,
В твоей ко мне протянутой руке!
(«Бахшиш (из путевого дневника)»)

Можно с уверенностью утверждать, что одной из ипостасей Родины в стихах Зульфий является природа с ее многоликостью. И тем не менее, в описании ли ночного сада, или хлопкового поля, или тюльпанов, – Зульфий подразумевает под этим одну сущность, проявляющую себя по-разному, в силу чего все эти ипостаси часто и упоминаются подряд: В садах зеленых улочек клубок;/ Гранат в цвету над пыльною дорогой./ И в свежей сени рощи родничок –/ Осколок зеркала луны двурогой./ Заоблачные главы снежных гор./ Весенние, в тюльпанах алых, степи/ И белых хлопковых полей простор –/ Для глаз моих полны великолепия.

У А. Ахматовой же природа – это инструмент, всего лишь своего рода отражение ее собственных чувств: 1) ...А там мой мраморный двойник,/ Поверженный под старым кленом,/ Озерным водам отдал лик,/ Внимает шорохам зеленым. 2) Безветрен вечер и грустью скован/ Под сводом облачных небес,/ И словно тушью нарисован/ В альбоме старом Булонский Лес./ Бензина запах и сирени,/ Насторожившийся покой.../ Он снова тронул мои колени/ Почти не дрогнувшей рукой.

Кардинально различались также отношение А. Ахматовой и Зульфий к призванию поэта. Ахматова воспринимала деятельность поэта как мессианскую, особенную, исключительную, например, в стихотворении «Песня о песне», свою поэзию Ахматова репрезентирует как прекрасную песню, а себя позиционирует сеятелем творчества: Я только сею. Сбирать / Придут другие. Что же! / И жниц ликующую рать / Благослови, о боже!

В связи с этим, она полагала, и это отражается во многих ее стихах, что поэту, как существу высшего порядка, облеченного высшей силой определенными полномочиями, позволено больше, нежели «простым смертным»: У самого моря / И часто случалось, что хозяйка / Хутора нового кивала мне,/ Кликала издали: «Что не заходишь?». Все говорят – ты приносишь **счастье**,/ Я отвечала: «Приносят **счастье** / Только подковы да новый месяц, / Если он справа в глаза посмотрит».

Анатолий Найман, который все последние годы был верным другом и помощником Ахматовой и наблюдал за ее творческим процессом, часто сотрудничая с ней, писал: «Говорить про Ахматову “она писала стихи” – неточно: она записывала стихи. Открывала тетрадь и записывала те строки, которые прежде уже сложились в голове... Некоторые стихи она как будто находила: они уже существовали где-то, никому на свете еще не известные, а ей удавалось их открыть целиком сразу, без изменений впоследствии» [6, 131]. Во всех стихах цикла «Тайны ремесла» Ахматова описывает процесс творчества («Поэт», «Последнее стихотворение») как будто не зависящий от самого поэта, который только послушно излагает услышанное, прочувствованное, пришедшее из вечности.

В понимании Анны Ахматовой магистральной константой в поэте является не только гражданский аспект, но и человеческие качества, включающее в себя благородство и ответственность.

Преодолевая душевную боль, в стихотворении «Молитва» она прямо заявляет о том, что высший для нее идеал – слава Родины. Опасность потери национальной независимости Ахматова сравнивает с нависшей «тучей». Для того, чтобы она превратилась в «облако в славе лучей», поэтесса готова принести в жертву абсолютно все, еще раз подчеркивая, жертвенный характер своего счастья.

Зульфий, хотя и признает некоторую исключительность этого вида деятельности, тем не менее, не выделяет себя никаким образом, полагая, что эта деятельность исключительна

лишь по сути действия, но не по положению в «табели о рангах» среди остальных видов деятельности:

Вот и осень... Но я не прошу об участие.
Мысли жаждут пера, сердце жаждет труда.
Пусть нередко несчастьем сменяется **счастье**, –
Жизнь прекрасна всегда и всегда молода! («Осень»).

Иными словами, она не воспринимала себя, в отличие от Ахматовой, как некоего «сверхчеловека», которому позволено все или почти все.

Ахматова	Зульфия
Не должен быть очень несчастливым И главное скрытым. О нет! – Чтоб быть современнику ясным, Весь настежь распахнут поэт. («Читатель»)	Я знаю, что счастьем не будет конца, Покуда сердца горячи. С тех пор, как я выбрала жребий певца, Ко мне устремляются ваши сердца, Как в реку – ручьи и ключи. («Сердце осталось у вас»)

В силу своей скромности и узбекской ментальности Зульфия не кричит громогласно о своей исключительности и элитарности. Однако тема поэта звучит отчетливо в ее стихах, эссе и дастанах: «Сўроқлайди шоирни шеърим» (Спрашивает поэта мой стих») (1960), «Ойдин» («Айдын») (1953), «Қуёшли қалам» («Солнечное перо») (1967), посвященных светлой памяти выдающихся представителей узбекской литературы: Хакимзоде, Айбеку, Айдыну, Хамид Алимджану. Зульфия в этих произведениях уделяет особое внимание месту творчества в жизни поэта, показывая его значимость и необходимость для счастья художника слова. Так, в стихотворении «Не отнимайте у меня пера...» буквально звучит мольба поэтессы к ближнему и дальнему кругу своего окружения: Не отнимайте у меня пера,/

За это буду вам я благодарен,/ Ведь в каждом слове много есть добра, /Хотя мой слог порой, высокопарен...

В этом плане значимым оказывается, на наш взгляд, стихотворение Зульфий «Почетное место». Здесь говорится о том, что для поэтессы высшим счастьем является «место в сердцах» друзей и поэтическое «царство»:

Мой край родной, за ласку благодарствуй,
Тружусь я для того, чтоб ты расцвёл.
Поэзия – единственное царство,
Где я занять хотела бы престол («Почетное место»)

Как видим, если А. Ахматова ставила в своем творчестве поэтическую миссию превыше всего, подразумевая, что лишь через реализацию пророческой миссии можно испытать настоящее счастье, то Зульфия превыше всего ставила счастье своего народа и Родины, служение которым посвятила свою жизнь и поэзию.

Наконец, еще одним отличительным свойством является любовь к жизни у Зульфий как составляющая личного счастья. Поэзия Зульфий всегда – жизнелюбива, порой подчеркнуто, со страниц ее стихов на читателя буквально льются эмоции и краски. У А. Ахматовой ситуация совершенно иная – вследствие своего артикулированного стремления к «жизни горней» в ущерб жизни земной, тема ожидания не счастья, а смерти рефреном проходит через все творчество поэтессы. Из этого проистекают характерные черты лирической героини Ахматовой, а именно: ее молчаливость, которая часто отражалась в недосказанности.

Зульфия в этом отношении выступает антиподом А. Ахматовой, в ее произведениях нет эллипсисов, и более того, она сама с большим энтузиазмом пишет о словах, из которых складываются стихи: Что ни слово, то пласт целинный, / Что ни строчка, то снежный обвал. /

Но уже молодой, соловьиный / Сад взращенный восторжествовал!// Труд – дитя нашей мысли и страсти, / Без него мы не ведали б **счастья**. («Труд»).

Ответ на вопрос о счастье в понимании Зульфийи мы находим в ее стихотворении «Женское счастье». Через десятилетия до нас дошел голос поэтессы, полный любви и надежд. В этом замечательном стихотворении, трогающем самые нежные струны женской души, слово «счастье» обладает высокой рекуррентностью, поскольку использовано десять раз в различных парадигмах. Слишком частое появление этого образа, исключает его случайность в стихотворной канве произведения. Сквозь все стихотворение слово «счастье», вынесенное в его заглавие, проходит своеобразным лейтмотивом. Поэтесса считает, что она прожила счастливую жизнь, которая была заполнена не только женским счастьем, но и безграничной народной любовью. Обращает на себя внимание стихотворение Зульфийи «Думы», наполненное философской мудростью и мыслями о быстротечности времени и счастья:

То ли годы спешат и меня заставляют спешить.

Чередой вершины, а юность в далекой дали...

То ли это дороги, меня научившие жить,

Подарившие песни о **счастье** людей и земли («Думы»)

Поэтическое новаторство лирики А.Ахматовой и Зульфийи позволяют осмыслить женское мировосприятие, в котором сохранение идентичности и постижение настоящего счастья возможно в двух случаях: 1) когда женщина может быть услышанной другими, как у Ахматовой; 2) когда женщина способна слышать голоса других, как у Зульфийи.

Список использованной литературы

1. Аристотель. Сочинения: в 4-х т.- Т. 4. – М.: Мысль, 2004. — С. 55.
2. Ахматова А. Лирика. – М.: Художественная литература, 1990. – 415 с.
3. Голендер Б. Рахмат, Ташкент! (к 130-летию со дня рождения Анны Ахматовой) // Звезда Востока, 2019.
4. Зульфийа. Строки памяти. – М.: Сов. писатель, 1978.- 199 с.
5. Зульфийа. Такое сердце у меня. – Т.: Изд-во Г. Гуляма, 1978. – 376 с.
6. Найман А.Г. Рассказы об Анне Ахматовой. / Новый мир, 1989, № 3. – С.131.
7. Носиров К., Исламова Д. Так вот ты какой, Восток! // Звезда Востока, 2019. № 4. – С.134-144.
8. Павловский А.И. Анна Ахматова /Очерк творчества. – Л., 1966. С.47.
9. Умурова Г.Х. Зулфия бадийи олами ва поэтик мактаби / художественный мир и поэтическая школа Зульфийи: Автореф. дисс. ... доктора фил. наук (DSc) – Самарканд, 2019. – 68 с.
10. Фейзуллаева А. Так вот ты какой, Восток!// Литературный Азербайджан. – 1990. – № 3. – С. 123.
11. Haight A. Anna Akhmatova: A Poetic Pilgrimage (Oxford Lives), 1976. P. 2.

**СЎЗ САНЪАТИ
ХАЛҚАРО ЖУРНАЛИ**

4 ЖИЛД, 2 СОН

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
ИСКУССТВО СЛОВА**

ТОМ 4, НОМЕР 2

**INTERNATIONAL JOURNAL
OF WORD ART**

VOLUME 4, ISSUE 2

Контакт редакций журналов. www.tadqiqot.uz
ООО Tadqiqot город Ташкент,
улица Амира Темура пр.1, дом-2.
Web: <http://www.tadqiqot.uz/>; E-mail: info@tadqiqot.uz
Тел: (+998-94) 404-0000

Editorial staff of the journals of www.tadqiqot.uz
Tadqiqot LLC The city of Tashkent,
Amir Temur Street pr.1, House 2.
Web: <http://www.tadqiqot.uz/>; E-mail: info@tadqiqot.uz
Phone: (+998-94) 404-0000